

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/TUVETC>
УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.Н. ТОЛСТОГО 1914–1917 гг.: ОТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ

© 2024 г. Г.Н. Воронцова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 21 ноября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 28 декабря 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2024 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-9-2-154-171>

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А.Н. Толстого, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, И.Э. Бабеля» (<https://rscf.ru/project/23-28-01239>)

Аннотация: В статье проанализирована взаимосвязь целого ряда разных по жанру произведений А.Н. Толстого, созданных в период Первой мировой войны и объединенных общей темой: публицистических статей «Трагический дух и ненавистники» (1914) и «Из дневника на 1917 год» (1917), циклов очерков на военную тему («По Вольни», «По Галиции», «На Кавказе») и художественной прозы писателя, рассказов «Обыкновенный человек» (1914), «На горе» (1915), «Под водой» (1915), «Рассказ проезжего человека» (1917). Отмечено, что в рассказах Толстого этого периода нашел непосредственное отражение материал, собранный во время его поездок в зону боевых действий и впервые отрефлексируемый в публицистике. Не всегда это было возвращение к конкретным сюжетам и персонажам, сделанным оценкам. В большей степени в художественной прозе писателя сказались личная причастность автора к описываемым событиям, ощущение духа времени и знание необходимых подробностей, которые придавали его произведениям ощущавшуюся многими достоверность. В статье также прослежен генезис отношения писателя к войне, как на протяжении 1914–1917 гг., так и в дальнейшем при создании романа «Хождение по мукам» (1919–1921).

Ключевые слова: А.Н. Толстой, Первая мировая война, публицистические произведения, художественная проза, генезис отношения писателя к войне.

Информация об авторе: Галина Николаевна Воронцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3546-0472>

E-mail: Voroncova.96@mail.ru

Для цитирования: Воронцова Г.Н. Произведения А.Н. Толстого 1914–1917 гг.: от публицистического высказывания к художественному образу // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 2. С. 154–171. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-154-171>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 2, 2024

A.N. TOLSTOY'S WORKS IN 1914–1917: FROM THE PUBLICISTIC STATEMENT TO THE ARTISTIC IMAGE

© 2024. Galina N. Vorontsova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: November 21, 2023

Approved after reviewing: December 28, 2023

Date of publication: June 25, 2024

Abstract: The article analyzes the relationship between various works of different genres by A.N. Tolstoy, which were created during World War I. These works share a common theme, which includes opinion pieces such as *Tragic Spirit and Haters* (1914) and *From the Diary for 1917* (1917), cycles of sketches on the military theme (*Through Volhynia, Through Galicia, In the Caucasus*), and the writer's prose fiction, including stories such as *An Ordinary Man* (1914), *On the Mountain* (1915), *Under Water* (1915), *A Passing Man's Tale* (1917). Tolstoy's stories of this period rely on the material he collected during his trips to the war zone and reflected for the first time in journalism. The assessments made in these stories were not always a return to specific plots and characters. The author's involvement in the events described was more evident in his prose fiction. His works had a sense of authenticity due to the spirit of the times and the necessary details he included. The article also traces the genesis of the writer's attitude towards the war, both during 1914–1917 and later in the novel *Road to Calvary* (1919–1921).

Keywords: A.N. Tolstoy, the First World War, journalistic works, fiction, genesis of the writer's attitude to the war.

Information about the author: Galina N. Vorontsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3546-0472>

E-mail: Vorontsova.96@mail.ru

For citation: Vorontsova, G.N. "A.N. Tolstoy's Works in 1914–1917: From the Publicistic Statement to the Artistic Image." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 154–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-154-171>

Тема Первой мировой войны занимала одну из ведущих позиций в творчестве Алексея Николаевича Толстого с осени 1914 г. По признанию писателя, именно война способствовала преодолению того кризиса, в котором он оказался некоторое время спустя после своего блистательного литературного дебюта¹. Много позже Толстой писал об этом периоде своей жизни: «...я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие <...>. Я увидел русский народ» [8, т. 1, с. 44]. Поездки на фронт, непосредственное соприкосновение с военным бытом, с жизнью солдат и офицеров, а также мирных граждан на прифронтовых территориях открыли писателю то, что он так долго искал, — «дух времени».

В годы Первой мировой войны Толстым был создан целый ряд произведений на военную тему. К их числу относятся написанные в 1914 г. публицистические статьи («Трагический дух и ненавистники» (другое название — «Отечество»), «В окопах», «Пленные», «Париж», «Макс Вук»), циклы очерков «По Волини» (1914), «По Галиции» (1914), «На Кавказе» (1915), «В Англии» (1916), а также художественная проза писателя (рассказы «Обыкновенный человек» (1914), «На горе» (1915), «Анна Зисерман» (1915), «Под водой» (1915), «Рассказ проезжего человека» (1917) и др.).

Таким образом, можно говорить о двух этапах осмысления Алексеем Толстым военных событий — на публицистическом и художественном

¹ С высоты прожитых лет Толстой негативно оценивал предвоенный период своего творчества, о чем неоднократно писал в статьях и автобиографиях: «Настал день, когда я с трепетом почувствовал: нужно жить в современности <...>. Я писал все хуже, все ненужнее — беспомощно барахтался в дикой стихии русского языка» [8, т. 10, с. 149]; «Я исчерпал темы воспоминаний и вплотную подошел к современности. И тут я потерпел крах. Повести и рассказы о современности были неудачны, не типичны» [8, т. 1, с. 43].

уровне, — а в ряде случаев и о преемственности разных по жанру произведений.

Очерки Толстого, объединенные в циклы «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе» и «В Англии»², стали результатом его поездок в зону боевых действий в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости» и уполномоченного Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам: в 1914 г. — на Юго-Западный фронт, в 1915 г. — на Кавказский, в 1916 г. — на Западноевропейский. Именно в очерках писатель впервые отрефлектировал абсолютно новый для себя материал, который потом будет не раз использован им в его художественной прозе.

Уже в начале сентября 1914 г. Толстой побывал на Волыни, в местах сражений русской и австрийской армий. За четверо суток он проехал ряд городов и местечек Ковельской и Холмской губерний: Ковель, Владимир-Волынский, Грубешов, Лашев, Чертовцы, Томашев, Замостье. Своему приятелю, К.В. Кандаурову, в одном из писем Толстой рассказывал: «Я так устал за 4 дня непрерывной скачки в телегах и бричках по лесным дорогам, под дождем, воспринимая единственные в жизни впечатления, что писать о них сейчас не могу <...>. Подумать только — я прожил год жизни за эту неделю, а это лишь только начало войны» [6, с. 214]. В октябре 1914 г. писатель проследовал в Галицию.

Фиксируя все встреченное на пути наиболее, на его взгляд, интересное и характерное, Толстой становился то летописцем исторических событий (так, он один из немногих современников написал о прощании в Киеве с погибшим в самом начале войны прославленным военным летчиком Петром Николаевичем Нестеровым, похороненным на берегу Днепра), то бытописателем, сохранившим в своих корреспонденциях подробности жизни мирного населения в районах Волыни и Галиции, которые в ходе Галицийской битвы, одного из первых сражений Первой мировой войны, переходили из рук в руки противостоявших армий. К сожалению, объективно-познавательная сторона очерков писателя так до сих пор по достоинству не оценена.

2 На страницах газет «Киевская мысль» и «Русские ведомости» в 1914, 1915 и 1916 гг. очерки публиковались под названием «Письма с пути». Они же составили шестой том («На войне») Сочинений писателя, вышедших в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (1-е изд. — 1915 г., 2-е изд. — 1916 г.).

Н.П. Ашешов писал об этой части наследия Толстого: «Его очерки войны при больших художественных достоинствах не оторвались от газетной пуповины и слишком сроднились с тем газетным листом, для которого они предназначались. На первом плане все-таки у автора была газета с ее жадным интересом к злобе данного мгновения. В плену оказался автор и у тех бесчисленных впечатлений, какие охватывают каждого свежего человека, попадающего в сферу огня. Больших цельных, синтетических картин войны автор не дает. Он останавливается на отдельных эпизодах, встречах, столкновениях, разговорах. Он рисует свои переживания и чужие. Он делает выводы, часто переходящие из психологической плоскости в публицистическую. Но за всем тем, он в целом ряде страниц, сцен и фотографий остается цельным и вдумчивым художником» [1, с. 341–341].

Сходным образом оценивает военные очерки писателя и один из современных исследователей: «В “Письмах” А. Толстого война увидена не столько репортером, сколько художником, стремившимся передать ее облик. Эти письма с войны роднит не точное воспроизведение происходящих событий, а *восприятие войны как иного бытия*, включающее и наблюдение, и осмысление, и ощущение» [3, с. 180].

Военные очерки Толстого легли в основу его художественной прозы периода второй половины 1910-х гг. Не всегда это было возвращение к их конкретным сюжетам и персонажам, сделанным оценкам. В большой степени в рассказах писателя сказались личная причастность автора к описываемым событиям, ощущение духа времени и знание необходимых подробностей, которые придавали его произведениям ощущавшуюся многими достоверность: «...каждая встреченная им фигура зарисована немногими, но отчетливыми, выпуклыми штрихами. То же самое можно повторить и о рассказанных им эпизодах, о виденных или слышанных, часто “почти фантастических” обрывках военной жизни. Но все, даже “почти фантастическое”, под пером автора принимает характер достоверности, потому что он умеет показать и психологические основания кажущейся фантастики» [4].

Основной пафос и очерков Толстого, и его художественной прозы 1914 – начала 1915 г. был задан статьей писателя «Трагический дух и ненавистники», опубликованной еще 3 августа 1914 г. в газете «Русские ведомости». Ее основные тезисы сводились к следующему: военные идут в зону боевых действий «как на большое общее дело, словно вся Россия

стала одним хозяйством, пришло время жатвы, и все, взяв серпы, двинулись делать большое дело»; в Германии «вспыхнула давно сдерживаемая неистовая ненависть к русским», так как они «всегда чувствовали в нас новую культуру, еще намечающуюся и нестойкую, но совсем противоположную их железному, биржевому, позитивному, математическому веку»; в ответ на эту ненависть «по всей России пролетел трагический дух³ <...> борьба партий, личная жизнь, настроения, неустройство, упоительная наша, отлично разработанная литературой, неврастения» отошли «как море от берегов», а «непроявленное, смутное ядро новой культуры <...> обнажилось впервые» [11].

Читателю и критике была больше известна вторая редакция этой статьи, напечатанная под названием «Отечество» в шестом томе Сочинений Толстого [9, т. 6, с. 7–12]. В ней писатель развивал тему родины, зазвучавшую с пронзительной остротой с началом Первой мировой войны. Он приводил слова одного из знакомых журналистов — «Я не знаю откуда это, но сейчас у меня есть отечество, Россия, родина», — и писал: «...никто из нас, я думаю не уяснил достаточно своего отношения к России; мы даже не знали — любим ли мы нашу страну? Или так — проживаем в ней только? <...> Мы, знающие много значений слова “отечество” — от выкрикнутого басом “Германия прежде всего” до залитого кровью скорбного имени “Бельгия”, — мы внезапно узнали истинное его значение» [9, т. 6, с. 8–9]⁴.

3 К образу «трагического духа», который овладел русским народом, и соответственно русской армией. Толстой апеллировал и в очерках. В одном из них, вошедшем в цикл «По Вольни», он писал, анализируя причины победы русских в Галицийской битве: «...сражения решаются величию духа и высотой цели, ради которой встал народ. Мы имели перед собой могучего противника, но дух его был мертв, заменен техникой и железной дисциплиной, и он пал, потому что крепче всякой стали живой человек, могущественнее всей выдуманной им же техники» [9, т. 6, с. 43].

4 Данный пассаж вызвал буквально бурю негодования критика В.П. Крихфельда: «...автор <в статье> пустился в чуждую ему область, политических, философских и всяких иных умствований и, как водится, наговорил множество, выражаясь деликатно, наивностей. Не только за себя лично, но и за всех нас <...> Толстой утверждает, что до войны “мы даже не знали — любим ли мы нашу страну, или так — проживаем в ней только”. Что только война дала нам счастье узнать, что у нас “есть отечество, Россия, родина” <...>. Смею верить его, что и задолго до войны “мы все” были не так уж равнодушны к судьбам нашей родины, как это ему представляется теперь. История нашей литературы, история наших общественных движений являет собою непрерывную цепь доказательств того, как глубоко, как самоотверженно “мы все” умели любить нашу родину; с какой неумолимой энергией и заботой насаждали “мы все” на обширной равнине нашей родины ростки культуры» [4].

С положениями этой статьи Толстого перекликаются строки его письма к отчиму, А.А. Бострому, написанного в августе 1914 г.: «...никогда не думал, что стану журналистом, буду писать *патриотические* статьи. Так меняются времена. А в самом деле я стал патриотом. Знаешь, бывает так, что юноша хулит себя, презирает, считает, что он глуп и прыщав, и вдруг наступает час, когда он постигает свои духовные силы (час, кот<орому> предшествует катастрофа), и сомнению больше нет места. Так и мы все теперь: вдруг выросли, нужно делать дело — самокритике нет места — мы великий народ — будем же им» [6, с. 212].

Соответственно, в основу художественных произведений писателя конца 1914 – начала 1915 г., созданных на военном материале, была положена идея нравственного исцеления, духовного возрождения человека на войне. Показателен в этом отношении рассказ Толстого «Обыкновенный человек», опубликованный на страницах «Русских ведомостей» 25 декабря 1914 г. Его название соотносится со словами одного из критиков о военных очерках писателя: «Конечно, у писателя, основной вопрос о смерти и о человеке, не войне, а именно о человеке, дерущемся на фронте» [2].

Главный герой рассказа, прапорщик Демьянов, в мирной жизни — художник, рассказывал о себе сослуживцам-офицерам: «Писал себе этюды, готовил картину — что-нибудь весьма особенное — ни Пикассо, ни Матисс, ни Гоген, а тоже такое... Ах, какая чепуха все эти мои необыкновенные идеи... То меланхолия, бывало, заест, то проснусь ночью и смотрю на пустое полотно... и кажется вот-вот-вот... а дойдешь до дела — ничего не выходит. Так что, я думаю, вся эта моя живопись была одной нервностью, а не искусством. Да и мы все таковы — возбуждаемся чрезвычайно быстро и легко, самыми только кончиками нервов; дальше, в глубину, ничего не идет <...> и происходит точно радужная игра на поверхности, точно нефть на реке. Да и не только живопись, не только искусство, вся жизнь — одни пятна нефти. Духа нет ни в чем, заколочен он, закован, загнан в такую темноту, в такую глубину — дух, что я уже не знаю, какая нужна катастрофа, чтобы он поднялся до моего сознания» [9, т. 7, с. 107].

Монолог героя полон смятения и вопросов, ответ на которые Демьянов неожиданно для себя получает из уст простого солдата Дмитрия Аникина: «...кабы нам бог войны не дал, ограбил бы нас. Народ стал несерьезный.

Чего не надо — боится, а больше по пустякам. Скука пошла в народе. Через эту скуку вот она и война. Теперь каждый человек понятие себе получит» [9, т. 7, с. 111].

Сюжет рассказа развивается следующим образом. Демьянов принимает свой первый бой, в ходе которого рядом с ним все время оказывается Аникин. «Как хорошо, что он со мной», — думает герой, получая от своего нового знакомого разного рода помощь. Далее следуют первое убийство врага на поле боя и первое ранение. На протяжении всего этого времени Демьянов проходит целый ряд сменяющих друг друга внутренних состояний, спровоцированных развернувшимся сражением: от необъяснимого восторга и вполне объяснимого страха до «холодной» и «умной» пустоты. Ему кажется, что «вернуться к себе, к своим ощущениям, прошлым и обычным, теперь невысказанно и противно». Желает он только одного — «остаться в той холодной, умной пустоте, где все равны, где ничего не страшно, ничего не жаль, где точно и бесстрастно действует центральная сила, передвигающая сейчас ноги Демьянова» [9, т. 7, с. 125].

Таким образом формируется умонастроение героя, позволяющее ему по-новому взглянуть на его прошлую жизнь, столь нелицеритно оцененную им в начале рассказа: «...лежа на боку, думал о разных вещах: о своем родном городе, о том, что девушка, которую он любил, так и не полюбила его; перед ним прошел ряд знакомых лиц, и милых, и безразличных. Он представил свою мастерскую, прибранную перед отъездом, и ему показалось, что на все это он смотрит точно с большой высоты, и все кажется ему милым, простым, немного печальным, но, быть может, таким, к чему можно и не возвращаться» [9, т. 7, с. 126].

Сродни Демьянову из «Обыкновенного человека» главный герой другого рассказа Толстого — «На горе», написанного после поездки писателя на Кавказский фронт в феврале 1915 г. и опубликованного в «Русских ведомостях» 22 марта того же года. Сюжет произведения, в котором речь идет об одном из боев в горных районах Кавказа, разворачивается в письмах, которые пишет и отправляет своей жене Даше бывший присяжный поверенный, а теперь прапорщик, Рябушкин. Форма рассказа определялась обстоятельствами личной жизни писателя. В конце 1914 г. его женой стала поэтесса Наталья Васильевна Крандиевская. Именно ей адресовались письма с Кавказа самого Толстого, тяжело переживавшего разлуку. Мотивы переписки в той

или иной мере сказались в рассказе «На горе» наряду с событиями, отраженными в военных корреспонденциях писателя.

В центре повествования в произведении конфликт Рябушкина с одним из его сослуживцев Петром Теркиным, который изживает их совместным участием в боях. Теркин в рассказе совершает воинский подвиг, в основу которого положен подвиг реального участника боев на Кавказе бывшего моряка Орлова, упомянутого Толстым в цикле очерков «На Кавказе»: «В декабре он <Орлов> получил спешный приказ занять со своей полуротой такую-то высоту; без провианта, в одной рубахе, сейчас же выступил и к ночи влез на снежную гору, где и окопался. Высота эта оказалась чрезвычайно важным пунктом; турки сосредоточили на ней большие силы, стреляли полтора месяца день и ночь <...>. Во время наступления Орлов спустился в долину и сейчас же занял новую высоту. Турки на этот раз оказались очень энергичными: значительными силами они окружили гору, отрезали доставку провианта и пошли на приступ. Орлова сочли погибшим: горячий бой развернулся по всему фронту, и, чтобы выручить полуроту, нужно было отбросить всю толщу турок. Ночью Орлов сигнализировал электрическим фонариком, что еще жив, имеет пять раненых и двух убитых. Он подсчитал патроны, оказалось по двести пятьдесят на человека. Тогда он принял всю эту ночь и следующий день обстреливать частым огнем пологий западный склон горы. Турки в этом месте подались и попрятались в окопы. Вечером он сам пошел на разведку, был атакован, турка, бросившегося на него, убил из маленького своего барабанного пистолетика, определил уязвимое место турецкого расположения и ночью ринулся туда со всеми солдатами, унося раненых. Взбешенные турки сделали все, что могли; они убили еще четырех наших и многих ранили. Орлов вывел свою полуроту к морю, к нашим войскам» [10, т. 6, с. 106].

Так же, как и Орлов, Теркин «сидит <...> на позиции, на горе, со ста пластунами» и отбивает штурмовые атаки турок, находясь в «железном кольце». Рядом, на соседней вершине находится Рябушкин с двумя взводами. В конечном итоге совместные действия его и Теркина позволяют последнему вырваться из окружения и вывести в расположение Рябушкина восемьдесят семь человек. Отношения героев изначально осложнены существующим между ними конфликтом, однако это не помешало им слаженно действовать в бою, приходя в минуту опасности на помощь друг другу.

Подобно Демьянову из «Обыкновенного человека», прапорщик Рябушкин ощущает свое внутреннее перерождение в условиях войны, о чем пишет жене: «А вот еще новость, — помылся я не только снаружи, но где-то, должно быть, внутри у меня поскреб мыльцем лупоглазый грек; иначе, милая Даша, я никак не могу объяснить, отчего нет во мне прежней сухости, “мозгового засилия”; прежнее не то что во мне пошатнулось, а промокло, мысли стали более влажными на ощупь, от них пошел мистический пар; это после пяти недель сидения в окопах. Вот до чего мы с тобой дожили; я так и вижу, как засветились твои глаза; радуйся, милая моя жена, сходи к Иверской, поставь свечку; вернусь я уже не скептиком» [9, т. 7, с. 71].

Анализируя произведение, Е.А. Колтоновская писала: «Сюжет рассказа, духовное возрождение интеллигента через войну, не может не быть автору особенно близким, ибо А. Толстой принадлежит к тому писательскому поколению, которое особенно страдало от затхлости, искусственности, “умственности” и рвалось к “живой жизни”. В рассказе удачно передана не только общая бодрящая, оживляющая сила войны, оживляющая иррациональное начало в человеке, а и ее особенная героическая душа, заставляющая умолкнуть все мелкие будничные чувства и заговорить настоящие — большие» [5, с. 141].

В своем последнем письме Рябушкин напишет жене о Теркине, которого он считал своим непримиримым врагом: «Он — герой, Даша. Когда его перенесли через сосновый мост, я спросил: хочет ли, чтобы я его поцеловал? Он отер кровь с лица, захватил меня за воротник, и мы поцеловались. У него прекрасное лицо, настоящего воина, и глаза совсем золотистого цвета. Он все понял, он мне сказал потом: “Знаете что: уж это мы с вами навек”. Даша, можно любить только, думая, что навек; иначе — не любовь. Тогда все понятно, все просто, торжественно и ясно, как звезды» [9, т. 7, с. 85].

Однако обращение к заявленной в статье теме невозможно без учета того факта, что в своем отношении к войне, как к событию не только русской, но и мировой истории Толстой прошел через ряд порой резко контрастных этапов.

С середины 1915 г. стал заметен перелом в отношении к военным действиям всех слоев русского общества, что было обусловлено отступлением русской армии из Галиции, Польши и Литвы, ставшим масштабной национальной катастрофой. Газеты все больше писали о бедственном положении

мирного населения в зоне боевых действий, беженцев и пленных, разрушенных городах и селах.

Сам Толстой в январе 1917 г. вспоминал: «Помню, в начале войны многое казалось истинным откровением. Появились герои среди обычных обывателей. Впервые, с оглядкой и радостью, произнесено было слово “родина”. На улицах Варшавы бросали цветы в сибирских стрелков. Мы пережили небывалый подъем и отчаяние, почти гибель. Все это минуло, время романтических боев прошло. Не повторятся ни кавалерийские набеги, ни головокружительные обходы галицийских битв, ни падение крепостей, ни отход на сотни верст. Война стала расчетом, фронт — буднями» [7].

Постепенно менялась тональность и произведений писателя о войне. Во второй половине ноября 1915 г. в газете «Русские ведомости» был опубликован рассказ Толстого «Спасенный» (другие названия — «На подводной лодке» и «Под водой»), где внимание автора обращено на тяготы ратного труда, на выживание человека в нечеловеческих условиях войны. Главный герой произведения, Андрей Николаевич, командир подводной лодки «Кэт», обреченный сделать выбор между выполнением воинского долга и жизнью членов экипажа, оказывается в непростой для себя ситуации, не только физически, но и нравственно проживая все этапы тяжелейшего морского боя с неприятелем. Вот как описывает Толстой ощущения его и команды на борту залегшей на дно субмарины: «...события недавних дней точно отодвинулись в глубокое прошлое, из команды кое у кого начинается странное состояние рассеянности. Мы — не живые и не мертвые, спим весь день, но поднимаемся, чтобы накачать воздух <...>. Сверху нас — вода толщиной в четырехэтажный дом. Когда наступает время подъема, все оживают понемногу, потягиваются, с беспокойством поглядывают на часы, ждут этого часа, как воскресения из мертвых <...>. Накачаем воздух, тонем на дно и людьми снова овладевает сонливость; время обрывается» [9, т. 9, с. 84–85].

Подобно Демьянову и Рябушкину, Андрей Николаевич выходит из военных испытаний преобразившимся человеком. В письме своей знакомой он пишет о том, что, заглянув в себя, измерив «призрачную, смертельную пустоту одиночества», возвращается на землю «для любви» [9, т. 9, с. 99–100]. Но здесь это всего лишь отголосок темы, мощно заявившей о себе в предыдущих рассказах.

Прозвучала тема войны и в «Рассказе проезжего человека», который был написан Толстым в сентябре 1917 г., уже после Февральской революции, когда два этих события тесно переплелись в сознании писателя. Характеристики войны в этом произведении были бы немислимы в конце 1914 – начале 1915 г. Один из персонажей называет ее «мировой потасовкой с пятью миллионами убитых», «миротрясением» без какой-либо цели [8, т. 3, с. 8], что переключается с началом статьи Толстого «Из дневника на 1917 год»: «Я приехал на фронт⁵ из Москвы, из тыла, истерзанный разговорами о том, что Россия вообще кончается, что нельзя продохнуть от грабежей и спекуляции, общество измызгано, все продано и предано, война будет длиться еще пять лет, а если кончится скоро, то еще хуже» [7].

Безымянный главный герой рассказа определенно напоминает Демьянова из «Обыкновенного человека», прожившего три года на фронте и получившего звание штабс-капитана. Он тоже бывший художник, переживший внутренний кризис накануне войны, но о ее начале вспоминающий с явной иронией, рожденной собственным опытом: «Уже давно крутившийся вихрь <...> сильным студеным сквозняком сорвал и унес все лохмотья, все румяна, всколыхнул оголевшее, пьяное болото по всей России. Вы помните, как потянулись на запад поезда, обозы, серая, бородатая, запасная Русь <...>. Теперь мне кажется, я понимаю: у всех тогда было нетерпение доказать, что, мол, и мы нация, оправдаться, снять позор <...> позор ленивой, грязной, сонной, хамской жизни» [8, т. 3, с. 11].

С явным осуждением говорит фронтовой штабс-капитан и о общих настроениях в начале войны: «Первый грохот пушки! Боже, сердце готово было умчаться туда, за визжащим снарядам! А пожар станции! Какое мрачное величие в черных клубах дыма! <...> Как все здесь ловко, и сильно, и быстро! И не нужно нанохиваться кокаином, ни одурять себя какими-то странными запахами, мечтами, дымом, вином, чтобы заиграли все поджилки и распахнулась, запенилась душа. Здесь мы рванулись в азартную игру, где призом была чужая смерть, а своя — битой картой» [8, т. 3, с. 11].

А.И. Иванов, один из современных исследователей темы Первой мировой войны в русской литературе 1914–1918 гг., анализируя циклы военных очерков писателя, справедливо отметил, что они «дают возможность

5 В середине декабря 1916 г. Толстой выехал в Минск в Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза.

говорить о первом этапе художественного осмысления войны, где отчетливо выделяется изобразить и почувствовать войну» [3, с. 182–183]. Это «почувствованное» вобрал в себя, наряду с рассказами, и роман Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921), который стал для писателя следующим этапом в осмыслении одного из центральных исторических событий первой четверти XX в. Однако звучание военной темы в романе во многом контрастно ее воплощению в публицистике и прозе Толстого 1914–1917 гг.

Война в интерпретации автора романа — событие необъяснимое, наделенное ролью пролога к новой грядущей катастрофе, «первое действие трагедии». Все «разумные рассуждения» о ее причинах и целесообразности тонут «в океане крови, льющейся на огромной полосе в три тысячи верст, опоясавшей Европу». Никакой разум не в силах объяснить, «почему железом, динамитом и голодом человечество упрямо уничтожает само себя» [12, с. 126].

Отношение к войне становится в «Хождении по мукам» тем индикатором, с помощью которого автор характеризует персонажи. Так, за военной риторикой и политической трескотней Николая Ивановича Смоковникова («трепанием языка», как называет это его жена Катя) скрываются аморальность и безнравственность, позволяющие ему с удовлетворением отметить, что у немцев «уже дети без кожи начинают рождаться», и осадить жену, когда та пытается возразить: «...это ужасно <...> когда дети рождаются без кожи — это все равно ужасно, у кого рождаются — у нас или у немцев» [12, с. 132].

Органически своей ощущает стихию войны Аркадий Жадов, потому так и поражает Елизавету Киевну его преобразившийся внешний вид: «Он был широкоплечий, русский, бритый, со светлыми, прозрачными глазами. Сидел он прямо, туго перетянутый ремнем, пил много и только бледнел. Лицо Жадова казалось ей «страшным и прекрасным» [12, с. 139].

Людей, «рискующих своей жизнью без принуждения», «у кого — органическая жажда убивать», Аркадий Жадов относит к стоящим «на высшей ступени человеческого сознания» и тут же демонстрирует свою собственную принадлежность к подобным человеческим особям, проявляя завидную самоотверженность в сражении, которое «не имело никакого смысла, потому что убыль в войсках была пополнена, произведена новая мобилизация, наготовлены новые снаряды, выпущены новые партии бумажных

денег. Только оказались разрушенными несколько городов, и сгорела дотла сотня деревень» [12, с. 143].

В то же время изживает войну соприкоснувшийся с ней Иван Ильич Телегин. На абсурдные заявления инженера Струкова о конечных целях начавшейся революции он отвечает: «Ты всю войну в тылу просидел <...> а я воевал, и знаю: в четырнадцатом году нам тоже нравилось драться и разрушать. Теперь нам это не нравится. А вот вы, тыловые люди, только теперь и входите во вкус войны. И вся психология у вас мародерская, обозная: грабь, жги!.. Я давно к вам присматриваюсь, — у вас идея — разрушать, самим дорваться до крови... Ужасно!..» [12, с. 212].

Конечные выводы Телегина из собственного военного опыта прямо противоположны эгоцентричным умозаключениям Жадова: «Ему казалось, что он мог бы сказать сейчас всем, всем, всем людям ясную, простую истину, и все бы поверили в нее. Он бы сказал: “Вы видите, — так жить дальше нельзя: на ненависти построены государства, ненавистью проведены границы, каждый из вас — маленький клубок ненависти, — крепость с наведенными во все стороны орудиями. Жить — тесно и страшно. Весь мир задохнулся в ненависти, — люди истребляют друг друга, текут реки крови. Вам этого мало? Вы еще не прозрели? Вам нужно, чтобы и здесь, в каждом доме, человек резал человека? Опомнитесь, бросьте оружие, разрушьте границы, раскройте двери и окна вольному ветру”» [12, с. 204].

Военные главы «Хождения по мукам» во многом основаны на собственных воспоминаниях писателя. Однако то, о чем было написано в годы Первой мировой войны, привнесено в текст романа в существенно преобразованном виде, что связано с переосмыслением автором тех событий, свидетелем которых он был.

О русском штабе в замке, близ Лашева, Толстой рассказывал в одном из очерков, вошедших в цикл «По Волыни»: «Над местечком, на горе, стоит среди векового парка древний замок польского графа Ш. Здесь находился сначала австрийский, а потом штаб нашей армии, здесь было сердце битвы, и весь замок, все службы и парк были заполнены нашими ранеными <...>. У кирпичной стены вся земля была усеяна пулями и пулями были истыканы, как решето, стены замка» [9, т. 6, с. 38].

В романе эта реальная картина использована писателем для создания сцен, связанных с лишенной патетики повседневной жизнью ар-

мейских офицеров, где внутреннее убранство «покинутого» полуразрушенного помещения, еще недавно торжественно-изысканное, оттеняет абсурдность и алогичность военных будней: «...Иван Ильич, опуская руки в карманы шинели <...> повернул под дубы к неясной громаде замка, где в нескольких окнах желтел свет. На крыльце кто-то, увидев Телегина, бросил папироску и вытянулся. “Что, почты не было?” “Никак нет, ваше благородие, ожидаем”. Иван Ильич вошел в прихожую. В глубине ее, над широкой, уходящей изгибом вверх, дубовой лестницей висел гобелен, должно быть очень старинный: среди тонких деревьев стояли Адам и Ева, она держала в руке яблоко — символ вечной радости жизни, он — срезанную ветвь с цветами — символ падения и искупления. Их выцветшие лица и удлиненные тела неясно освещала свеча, стоящая в бутылке на лестничной колонне. Иван Ильич отворил дверь направо и вошел в пустую комнату с лепным потолком, рухнувшим в углу, там, где вчера в стену ударил снаряд. У горящего очага, на койке, сидели поручик князь Бельский и подпоручик Мартынов. Иван Ильич поздоровался, спросил, когда ожидают из штаба автомобиль, и присел неподалеку на патронные жестянки, шурясь от света» [12, с. 114–115].

Как это видно, само выражение «сердце битвы», использованное Толстым в очерках по отношению к штабу армии, было бы здесь неуместно. На смену парадигмы указывает и замена в определениях: «древний замок польского графа Ш.» превратился в тексте романа в «покинутый» и безымянный.

Невозможно не увидеть разницы и между приведенными выше сентенциями Дмитрия Аникина из «Обыкновенного человека» и диалогом рядовых в «Хождении по мукам», где отчетливо слышна тема греха убийства на войне:

- Когда же эта война кончится?
- Ладно тебе.
- Кончится, да не мы этого увидим.
- Хоть бы Вену, что ли бы взяли.
- А тебе она на что?
- Так, все-таки. Поглядели бы.

— К весне воевать не кончим, — все равно — так все разбегутся. Землю кому пахать, — бабам? Народу накрошили — полную меру. А к чему? Будет. Напились, сами отвалимся...

— Ну енералы скоро воевать не перестанут.

— Ты это откуда знаешь? Тебе кто говорил? В зубы вот тебе дам, сукин сын.

— Енералы воевать не перестанут.

— Верно, ребята. Первое дело — выгодно, — двойное жалованье идет им, кресты, ордена. Мне один человек сказывал: за каждого, говорит, рекрута англичане платят нашим генералам по тридцать восемь целковых с полтиной за душу.

— Ах сволочи! Как скот продают <...>.

— Разве не зря — убить человека-то... У него, чай, домишко свой, семейство какое ни на есть, а ты ткнул в него штыком, как в чучело, — сделал дело. И тебе за это медаль. Я в первый-то раз запарол одного, — потом есть не мог — тошнило... А теперь десятого, или девятого кончаю... Дожили... Ведь страх-то какой, а? Раньше и в мыслях этого не было... А здесь — ничего — по головке за это гладят [12, с. 117–118, 122–123].

Показательно в интересующем нас аспекте упоминание сибирских стрелков в публицистике писателя периода войны и в романе «Хождение по мукам». В очерке, вошедшем в цикл «По Галиции», Толстой писал: «У нас же каждый день, каждый час вливаются в армию выносливые, крепкие, привыкшие к зимним невзгодам сибирские полки, блестяще показавшие себя в последних боях. Я видел, как подошел к станции один из эшелонов, на платформах стояли, задрав стволы, тяжелые орудия <...>. Распахнулись двери вагонов, высунулись здоровенные ребята — молодые, широколицые, загорелые» [9, т. 6, с. 59–60]. Завершением этого сюжета в романе стали слова одного из безымянных солдат: «Видел я поле под Варшавой <...> лежат на нем тысяч пять али шесть сибирских стрелков. Все побитые, лежат, как снопы» [12, с. 137].

Таким образом, ко времени создания романа «Хождение по мукам» в сознании писателя произошла дегероизация самого события войны, «парадокса с гуманнейшей культурой, которая за четыре года удачно слопала половину самой себя» [8, т. 10, с. 22], военных действий и связанных с ними настроений в обществе, так как результатом кровопролитных сражений,

овейных иллюзорным «трагическим духом, духом понимания, спокойствия и роковых, мировых задач», стало не сплочение и возрождение нации, не «прекрасный век»⁶, а «военный и голодный бунт»⁷, каким, в конечном итоге, увидел Толстой Февральскую революцию.

Список литературы

Исследования

- 1 [Аишегов Н.П.]. Граф Алексей Толстой. На войне // Современный мир. 1915. № 2. С. 341–343.
- 2 [Аишегов Н.П.] Литературные мотивы. Война и художественная литература. — Отражение жизни. — Самопознание. — Простота. — Смерть. — «На войне» графа Алексея Н. Толстого // Современное слово. 1915. 23 января. С. 2.
- 3 Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 485 с.
- 4 Кранихфельд В.П. Художественная летопись войны // Киевская мысль. 1915. 17 февраля. С. 2.
- 5 Колтоновская Е.А. Писатели о войне // Русская мысль. 1915. № 4. С. 135–146.

Источники

- 6 Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
- 7 Толстой А.Н. Из дневника на 1917 год // Русские ведомости. 1917. 15 января. С. 2.
- 8 Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1982–1986.
- 9 Толстой А.Н. Сочинения: в 10 т. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1912–1918.
- 10 Толстой А.Н. Сочинения: в 10 т. 2-е изд. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1916–1918.
- 11 Толстой А.Н. Трагический дух и ненавистники // Русские ведомости. 1914. 3 августа. С. 5.
- 12 Толстой А.Н. Хождение по мукам / изд. подгот. Г.Н. Воронцова. М.: Наука, 2012. 478 с. («Литературные памятники»).

6 В постскриптуе письма отчиму, А.А. Бострому, от 28 августа 1914 г. Толстой замечал: «Конечно, ты знаешь, что это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, *прекрасный век* <курсив наш. — Г.В.>» [6, с. 213].

7 См. в статье Толстого «На костре» (1917): «...первого марта 1917 года у нас произошла не революция, а *военный и голодный бунт* <курсив наш. — Г.В.>, как реакция на трехлетнюю войну <...> потому что нация во всей своей массе осталась нема и бесстрашна, не подняла сонных век, не выразила иной воли, кроме желания скорого мира и сытого покоя» [12, с. 258].

References

- 1 [Asheshov, N.P.] “Graf Aleksei Tolstoi. Na voine” [“Count Alexey Tolstoy. At War”]. *Sovremennyi mir*, no. 2, 1915, pp. 341–343. (In Russ.)
- 2 [Asheshov, N.P.] “Literaturnye motivy. Voina i khudozhestvennaia literatura. — Otrazhenie zhizni. — Samopoznanie. — Prostota. — Smert. — ‘Na voine’ grafa Alekseia N. Tolstogo” [“Literary Motifs. War and Fiction. — Reflection of Life. — Self-Knowledge. — Simplicity. — Death. — ‘At War’ by Count Alexei N. Tolstoy”]. *Sovremennoe slovo*, January 23, 1915, p. 2. (In Russ.)
- 3 Ivanov, A.I. *Pervaia mirovaia voina v russkoi literature 1914–1918 gg.* [*The First World War in Russian Literature, 1914–1918*]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2005. 485 p. (In Russ.)
- 4 Kranikhfel’d, V.P. “Khudozhestvennaia letopis’ voiny” [“Artistic Chronicle of the War”]. *Kievskaiia mysl’*, February 17, 1915, p. 2. (In Russ.)
- 5 Koltonovskaia, E.A. “Pisateli o voine” [“Writers About the War”]. *Russkaia mysl’*, no. 4, 1915, pp. 135–146. (In Russ.)